

© 2012 г.

**В.М. СТРОГЕЦКИЙ.** Становление исторической мысли в Древней Греции и возникновение классической греческой историографии: Геродот, Фукидид, Ксенофонт. Часть I. Геродот. Нижний Новгород: Нижегородский государственный лингвистический<sup>1</sup> университет им. Н.А. Добролюбова, 2010. 248 с.

Известный нижегородский антиковед В.М. Строецкий, в прошлом один из самых активных авторов ВДИ<sup>2</sup>, выпустил книгу, которая, как явствует из заголовка, представляет собой первую часть задуманной им своеобразной трилогии. В свое время ученый достаточно интенсивно занимался проблемами древнегреческого историописания и на протяжении 1970-х и 1980-х годов опубликовал ряд статей и брошюр, посвященных творчеству некоторых его представителей<sup>3</sup>. Впоследствии В.М. Строецкий отошел от этой проблематики, обратившись к иным сюжетам различного характера (вплоть до римского права), и вернулся к ней лишь относительно недавно<sup>4</sup>.

Литература об эллинических историках (впрочем, как и обо всем остальном, естественно) за последние десятилетия нарастает просто-таки лавинообразно. Что касается Геродота, то еще лет 30 назад Дж. Харт в первых строках своей монографии о нем<sup>5</sup> жаловался, что на английском и почитать-то об «отце истории» особо нечего. Теперь вопрос стоит скорее полярно-противоположным образом: физически невозможно успеть прочесть все, что пишется об этом «первосвященнике Клио»<sup>6</sup>. Ну и, разумеется, раз есть новая литература, то есть и новые концептуальные тенденции, новые взгляды и т.п.

Внимательно читая данную работу В.М. Строецкого, легко заметить: в некоторых ее частях, если судить по справочному аппарату, автор демонстрирует знакомство с современной западной историографией по интересующей его теме<sup>7</sup>, а в других частях (таких, пожалуй, большинство) ограничивается ссылками только на старые исследования. Да, собственно, дело отнюдь не только (и не столько) в ссылках; соответствующие части и написаны так, как если бы этой новой литературы в принципе не существовало.

Вообще говоря, при чтении книги складывается однозначное впечатление (и, думается, оно не обманчиво), что под одной обложкой оказались собраны тексты, написанные на протяжении достаточно длительного временного диапазона и, может быть, даже изначально никак не связанные друг с другом, различающиеся и по жанру (последний варьирует от вполне научного до свойственного популярной книжке для подростков или записи лекций для студентов). Сам по себе прием составления монографии из ранее подготовленных очерков вполне имеет право на существование и нередко

<sup>1</sup> В выходных данных – опечатка: по недосмотру пропущено слово «лингвистический», в результате появился на свет несуществующий вуз – «Нижегородский государственный университет им. Н.А. Добролюбова». В действительности Нижегородский государственный университет, как известно, носит имя Н.И. Лобачевского.

<sup>2</sup> В период с 1972 по 1987 г. он публиковался на страницах нашего журнала почти ежегодно (10 статей и 3 рецензии). Подсчет произведен по списку публикаций В.М. Строецкого, приложенному к поздравительной заметке в связи с его 70-летием (Махлаюк, 2010).

<sup>3</sup> В том числе: Строецкий 1977; 1983; 1985; 1986; 1987.

<sup>4</sup> Строецкий 2002; 2006 (весьма дельная статья); 2008; 2009.

<sup>5</sup> Hart 1982, 1 ff.

<sup>6</sup> Наше выражение: Суриков 2011, 129.

<sup>7</sup> Например, в подглавке «Геродот и его “История” в оценке современной исторической науки» (с. 210–245).

практикуется как у нас, так и за рубежом. Впрочем, возможно, стоило бы оговорить данный нюанс в предисловии, как-нибудь отразить его в заголовке (например, посредством введения слова «очерки»), а для тех частей книги, которые уже выходили ранее в качестве статей, указать выходные данные первых публикаций<sup>8</sup> и т.п.

Книга состоит из краткого вводного раздела «От автора» и семи глав (заключение отсутствует). Вопреки названию данного тома – «Геродот», – Геродоту как таковому посвящены лишь три последние главы, составляющие чуть меньше половины общего объема. В предыдущих же речь, по замыслу автора, должна идти о корнях, становлении древнегреческой историографии. О том, как проводит анализ этого (действительно чрезвычайно важного) процесса автор рецензируемой работы, речь пойдет чуть ниже. А в первую очередь остановимся на предисловии (с. 5–12).

В самом его начале сказано (с. 5), что «только четыре тысячи лет назад стали возникать древнейшие цивилизации (получается, в начале II тыс. до н.э.? – И.С.). Носителями древнейших культур и цивилизаций были народы семитской и индоевропейской языковых семей (даже если, чрезмерно упрощая, относить египтян к семитам, китайцы не в счет?»<sup>9</sup> – И.С.). Далее говорится о «параллельном развитии религиозно-иррационального и естественно-рационального мышления» в этих цивилизациях и следуют еще несколько кратко сформулированных мыслей общего характера по поводу античности – о «светском характере» античной культуры<sup>10</sup>, пресловутом агональном духе, роли досуга и т.п. Высказываются возражения против (действительно достаточно спорной) концепции И.П. Вейнберга о типологической близости древневосточного и античного историописания<sup>11</sup>.

Последняя тема получает дальнейшее развитие в главе I «Проблемы становления истории как науки в античности» (с. 13–32). В.М. Строгеецкий касается здесь той действительно важной и непростой проблемы, что древнегреческий менталитет часто определяется как ориентированный в большей степени на пространственные, а не временные категории, в этом плане противостоя древневосточному<sup>12</sup>. В этой связи вызывает даже некоторое удивление, что родина исторической науки – Эллада, а не Восток, при присущем некоторым обществам последнего (в первую очередь, конечно, ветхозаветному) обостренном «чувстве времени».

Для автора рецензируемой книги подобные высказывания об «аисторизме» греков неприемлемы. Ход мысли ученого таков: грекам отказывают в историчности мышления во многом по той причине, что их мировоззрению был в весьма большой степени присущ циклизм, с чем спорить невозможно.

---

<sup>8</sup> См. реализацию этих принципов: Суриков 2011.

<sup>9</sup> На недавно прошедшей первой международной конференции «Вопросы эпиграфики» (Москва, январь 2012 г.) прозвучал доклад Д.В. Деопика «Основные характеристики комплекса австрийских надписей из Шуандуня V тыс. до н.э.».

<sup>10</sup> Просто-таки удивительно, насколько часто (и всегда чрезмерно поспешно) объявляют «светским» древнегреческое общество – в действительности необычайно благочестивое даже по меркам древнего мира, такое, в котором «религия была центральной идеологией полиса, структурирующей все элементы, составлявшие идентичность полиса, и дающей им смысл» (Sourvinou-Inwood 1991, 304). Лично мы вообще не уверены, что в греческом полисе было что-то «светское» в смысле «абсолютно чуждое сакральности» (ср.: Суриков 2010, 23 слл.). Между прочим, достаточно значим уже тот нюанс, что в древнегреческом языке полисной эпохи мы просто не отыщем слова, которое можно было бы адекватно перевести как «светский». Часто считается, что таким было ὁσλος, но см. весьма убедительное опровержение: Maffi 1982. В Риме прилагательное со значением «светский», разумеется, уже появилось (profanes), но, что занятно, с весьма заметными негативными обертонами (odī profanum vulgus et arceo...), ощущающимися и поныне («профан»).

<sup>11</sup> Вейнберг 1993, 317 и др. Промах И.П. Вейнберга, впрочем, заключается не в том, за что его упрекает В.М. Строгеецкий, а в том, что Вейнберг не заметил важной вещи: на Древнем Востоке существовала традиция *историописания*, но не было еще *исторической науки* в собственном смысле слова, а в античности последняя появилась, и это – принципиально новое качество. Строгеецкий же апеллирует к «безусловной отсталости», «закостенелости» (sic) древневосточных культур, причем одновременно заявляет себя решительным сторонником цивилизационного, а не формационного подхода к истории. Между тем, строго примененный цивилизационный подход вообще исключает такие категории, как «отсталость» и т.п. Если каждая цивилизация движется своим собственным путем, то не может быть «отстающих», «вырвавшихся вперед», «догоняющих» и т.п.

<sup>12</sup> См. предельно отточенные формулировки в классической работе С.С. Аверинцева «Греческая «литература» и ближневосточная «словесность» (противостояние и встреча двух творческих принципов)» (Аверинцев, 1996, 13 слл.). С ними солидаризируемся и мы (Суриков, 2011, 12, 95–96, 136–137, 475–476).

Однако, справедливо замечает В.М. Строгеецкий, циклизм не противоречит историзму, он противостоит только линейному пониманию истории. Циклизм и историзм вполне совместимы.

Всё это верно, хотя, впрочем, проблему так-таки не снимает. В любом случае бросается в глаза, что греков (говорим здесь о греках классической эпохи) не очень интересовало прошлое, в котором происходило «становление». Их больше интересовало настоящее, в котором разворачивалось «бытие». Труды корифеев эллинской историографии – Геродота, Фукидида, Ксенофонта – имеют предметом не «дела давно минувших дней», а события, которые происходили либо на глазах самих авторов, либо, как минимум, на памяти их старших современников. Антикварные штудии развились у греков несколько позже, чем изучение фактов тогдашней современности<sup>13</sup>. В целом, как нам представляется, в суждении «греки создали историческую науку» уместнее делать акцент не на слово «историческую», а на слово «науку». Теоретическая наука как таковая (любая) – порождение эллинской цивилизации, ранее ее не было; не является исключением и наука истории, представителями которой также использовались два главных научных метода античности – наблюдение и логическое умозаключение.

Ближе к концу рассматриваемой главы В.М. Строгеецкий как раз обозначает то, что он считает основными особенностями греческой истории как науки (с. 29–30). По его мнению, это: 1) ясное понимание задач и целей исторического труда; 2) не только описание событий, но и выявление причинно-следственных связей между ними; 3) гуманистический характер греческой историографии, под которым почему-то понимается понимание истории как дисциплины практически полезной; 4) критическое отношение к источникам.

Большинство перечисленного здесь, в общем верно. Пожалуй, мы бы даже сказали, что всё это сводится к одной принципиальнейшей черте, которая достаточно четко характеризует классическое греческое историописание. Черта эта – его *исследовательский характер*<sup>14</sup>.

Начиная с главы II «Гомеровский и послегомеровский эпос и его значение для становления раннегреческой историографии» (с. 33–61) автор рецензируемой книги переходит от теоретических вопросов к конкретике. Вначале предметом анализа становится «гомеровский и циклический (sic) эпос». Под последним, разумеется, имеются в виду *киклические поэмы*.

Как представляется нам, главная проблема на данном сюжетном поле заключается в следующем: у очень многих народов на ранней стадии их культурного существования существовала эпическая традиция, но далеко не у всех затем возникла самостоятельная и полноценная историография. А у греков таковая появилась, причем без опоры на какие-либо чужие образцы, совершенно органично. Связано ли это как-нибудь с особенностями именно эллинского эпоса (думается, мало кто будет спорить, что этот эпос уникален среди эпосов мира)? Ставить вопрос в форме «подверглись ли первые историки влиянию Гомера и Гесиода?» даже неуместно. Разумеется, подверглись. Изучать следует иное – в чем именно проявлялось это влияние, в каком направлении оно шло и т.п. Да это и изучается, причем давно и самым активным образом. «Путь, ведущий от эпоса к истории, давно исхожен – ради того ли, чтобы выявить их преемственность или, наоборот, чтобы подчеркнуть различия», – пишет Ф. Артог<sup>15</sup>.

В.М. Строгеецкий при рассмотрении данного круга сюжетов привлекает в основном довольно старую зарубежную литературу (работы В. Шадевальдта, Г. Штрассбургера)<sup>16</sup> и делает вывод о реальности категории эпического историзма: «Гомер... был первым критиком мифологического мышления, но, признавая это, логика требует выявления у него, по крайней мере, истоков какого-либо другого мышления, но этим мышлением может быть *только историческое*» (с. 40; курсив наш. –

<sup>13</sup> Ср. в связи с этим соображения такого гиганта антиковедческой науки, как А. Момильяно (1966, 1–39; 1990, 54–79).

<sup>14</sup> Ср.: Суриков 2011, 11 слл.

<sup>15</sup> Артог 1999, 179.

<sup>16</sup> Следует сказать, что довольно своеобразны критерии В.М. Строгеецкого в вопросе о том, какую литературу считать новой. Так, работы Г. Берве, М. Финли, Ч. Старра он неоднократно как в этой главе (с. 36), так и в других местах книги (например с. 92) причисляет к «современному» или «новейшему» скептическому направлению. Тут он следует традиции, заложенной у нас Э.Д. Фроловым (1988, 18 слл.), дословно повторяет его выражения. Но даже к моменту написания монографии Фролова труды перечисленных исследователей лишь с весьма большой натяжкой можно было назвать новейшими, а ныне, а fortiori, это просто недопустимо. Взгляды Финли, Старра и их приверженцев давно уже из «новейших» и нетрадиционных превратились в некую «новую ортодоксию», побыли в этом статусе, а к сегодняшнему дню, похоже, его уже утратили, стали предметом регулярной критики и т.п.

И.С.). Суждение довольно спорное – как будто, кроме мифологического и исторического, не может быть никаких иных типов мышления.

Ученый продолжает: «Хотя невозможно считать поэмы Гомера подлинно историческими произведениями, отсюда отнюдь не следует, что мы должны вообще отказаться от использования их как своеобразного источника информации» (с. 42). Позвольте, а что же, хоть один специалист призывает отказаться от использования гомеровских поэм как источника? Да это было бы абсурдом. Но вопросы «Гомер как источник» и «Гомер в контексте становления историописания» – вопросы совершенно разные, даже не имеющие никакого отношения друг к другу. Занимаясь последним из них, следовало бы подчеркнуть, например<sup>17</sup>, что героический эпос, всецело обращенный своим содержанием к описанию событий прошлого, несомненно, представлял собой первую ступень в осмыслении этого прошлого, однако в эпическом жанре историческая память имела еще весьма своеобразную форму: в гомеровских поэмах причудливо переплелись друг с другом реалии из самых различных временных пластов. Можно было бы еще указать, что, как минимум, уже автор «Одиссеи» имел некоторое представление о постепенной эволюции человечества от стадии варварства (представленной, в частности, в описании быта циклопов) к цивилизации и государственности.

Затем, кратко остановившись на киклических поэмах, В.М. Строгеецкий переходит к дидактическому эпосу Гесиода. В книге, посвященной становлению историографии, хотелось бы, конечно, увидеть анализ гесиодовских произведений именно с этой точки зрения; необходимо было проследить, в какой степени и в каких отношениях аэд из Аскры может считаться предтечей первых историков. Однако В.М. Строгеецкий идет по другому пути. Он пересказывает биографию Гесиода<sup>18</sup>, причем допускает некоторые ошибки, – например, утверждая, что отца поэта также звали Гесиодом. Почему ученый так решил – понятия не имеем: в нарративной традиции, от Гелланика и Ферекида до словаря «Суда»<sup>19</sup>, автор «Трудов и дней» и «Теогонии» фигурирует как «Гесиод, сын Дия».

Далее зачем-то довольно подробно пересказывается содержание этих поэм<sup>20</sup>, причем с социологическими комментариями такого, например, типа: «Спор Зевса с Титанами отражает время существенных изменений в первобытном состоянии человечества, когда на смену палеолиту и мезолиту наступил новый каменный век (неолит), в течение которого человечество совершенствовало орудия труда, стало переходить от добывающего хозяйства к производящему» и т.д. (с. 59). Как это понимать? В том смысле, что Гесиод имел какое-то понятие о палеолите, мезолите и прочих подобных категориях? Или в том смысле, что Зевс и титаны – некие реальные существа, жившие на стадии перехода к неолиту?

Очевидно, именно в этом втором смысле, если буквально воспринимать сказанное В.М. Строгеецким. Ибо чуть ниже (с. 61) он продолжает: «Как уже было сказано, победа Зевса олицетворяла обновление природы и общества. Оно (что “оно”? Общество? – И.С.) сопровождалось интенсивным оплодотворением и демографическим взрывом. Это, безусловно, объясняет рассказ Гесиода о многоженстве Зевса и множестве рожденных от него детей». Да, тут уж, как говорится, комментарии излишни. Зевс, вносящий вклад в древнегреческий демографический взрыв, – это сильно.

За всем этим как-то осталось в тени, не акцентировано автором в должной мере именно то главное, о чем, собственно, в первую очередь стоило бы говорить в контексте книги: гесиодовская концепция нисходящих «поколений» или «веков, от золотого до железного»<sup>21</sup>, является *первой* в Греции и в Европе в целом историософской схемой, причем уже вполне разработанной. Если не считать несколько выбивающегося из нее (по причинам, которые остаются предметом дискуссий) героического века, следующего за медным, схема в основном имеет регрессивный характер. И ведь это восходящее

<sup>17</sup> Как мы и делали, в частности: Махлаюк, Суриков 2008, 10.

<sup>18</sup> Последняя, кстати, в значительной степени является фиктивной. Обычно Гесиод противопоставляется полубогданарному Гомеру именно как первая безусловно реальная личность в истории античной литературы. Однако на сегодняшний день основания этого взгляда серьезно подорваны (см. прежде всего: Надь, 2002).

<sup>19</sup> Который у В.М. Строгеецкого назван «словарем Свида» (с. 46). Как говорится, «уж сколько раз твердили миру», что так писать некорректно, что не было никакого автора по имени Свида, – а всё равно эту ошибку продолжают допускать. Буквально в той же строчке упоминается «византийский хронист Цец». Но хронистом Иоанн Цец не являлся, он был грамматиком и поэтом.

<sup>20</sup> Опять же не без неточностей: например, утверждается, что Гесиод описал гигантомахию (с. 60). Это не так: в «Теогонии» рассказано о борьбе Зевса с титанами и с Тифоном, а вот война с гигантами (которая, согласно мифам, имела место много позже, во времена Геракла) у него никак не отражена.

<sup>21</sup> См. ее великолепный анализ: Vernant 1983, 3–72.

к Гесиоду пессимистическое представление о регрессе как пути истории впоследствии оказалось весьма распространенным в древнегреческой мысли<sup>22</sup>.

Глава III рецензируемой книги называется «Раннегреческая лирика и ее влияние на развитие исторической мысли в Древней Греции» (с. 61–90). Она нас особенно поразила. В ней достигает апогея черта, отчасти проявляющаяся уже и в предыдущей главе, – иррелевантность: написано много такого, чего писать вовсе и не стоило бы, приведены разные сведения, не имеющие ровно никакого отношения к возникновению историописания, а в то же время некоторые важнейшие вещи, о которых *обязательно* нужно было упомянуть, парадоксальным образом совершенно отсутствуют.

Так, во всей главе мы не встретим ни строчки, ни слова о Симониде Кеосском! А между тем на сегодняшний день предельно ясно: если кто-либо из представителей греческой лирической поэзии оказал самое прямое, самое полное влияние на историописание, то это был именно он. Правда, до недавнего времени это не было известно, и, соответственно, имя Симонида достаточно редко фигурировало в исследовательской литературе в связи с генезисом античной исторической мысли<sup>23</sup>. Однако в 1992 г. были опубликованы новонайденные папирусные фрагменты Симонида, и фрагменты эти таковы, что произвели просто ошеломляющее впечатление<sup>24</sup>. Имеются в виду в первую очередь отрывки из большой элегии, фактически поэмы, о Платейской битве 479 г. до н.э. Это сочинение – воистину уникальный памятник протоисторической мысли, находящийся уже на грани между поэзией и собственно историческим повествованием. Введение в научный оборот фрагментов, о которых идет речь, во многом поставило все наши представления о зарождении эллинского историописания в новую перспективу.

Как ни странно, В.М. Строгнецкому ни о чем подобном не известно<sup>25</sup>. Впрочем, допускаем и возможность того, что текст, ныне представляющий собой главу III, в действительности просто был написан автором довольно давно, еще до издания соответствующих фрагментов Симонида, а впоследствии инкорпорирован в книгу о классической греческой историографии. Причем инкорпорирован, надо сказать, не самым органичным образом: на фоне остальных глав эта выглядит несколько чужеродно как в содержательном, так и в жанрово-стилистическом отношении.

В сущности, перед нами некий общий очерк творчества нескольких крупных архаических поэтов-лириков: Калина, Архилоха, Семонида Аморгского, Тиртея, Солона, Феогнида. Написан очерк так, как будто он предназначался не для монографии о становлении античной исторической мысли, а для какого-нибудь учебника или популярного издания. Так, начинается он с пояснения понятий «элегия», «ямб» и т.п. А самое главное – перечисленные авторы никак не характеризуются специально в контексте формирования исторических представлений. Зато зачем-то введен довольно обширный экскурс полемической направленности, посвященный оценке политической деятельности Солона, его реформ (с. 79–84).

Начиная с главы IV автор рецензируемой книги переходит от «предтеч» историописания к первым историкам как таковым. Заголовок главы – «Возникновение раннегреческой историографии: логографы» (с. 91–109). Как известно, «логографами» в историографической традиции начиная с XIX века часто принято называть представителей самой первой плеяды эллинского историописания, предшественников и отчасти современников Геродота, таких, как Гекатей, Акусилаи, Гелланик и др. Ранее нам приходилось отмечать<sup>26</sup>, что подобное словопотребление некорректно, поскольку термин *λογογράφος*<sup>27</sup>, вопреки распространенному мнению, в античности не употреблялся в значении «ранние историки». А В.М. Строгнецкий именно этого распространенного мнения и придерживается. Еще в предисловии (с. 12) он пишет: «...будет рассмотрено творчество ранних греческих историков, названных уже в классической греческой историографии (курсив наш. – И.С.) логографами».

И в главе, которую мы сейчас разбираем, автор развивает те же взгляды. Так, он считает, что Страбон (I. 18) и Дионисий Галикарнасский (De Thuc. 5) именовали интересующих нас авторов логографами. Процитируем В.М. Строгнецкого дословно. Полемизируя с автором этих строк, он пишет: «...И.Е. Суриков вовсе не принимает во внимание толкований термина “логографы”, данных Дионисием Галикарнасским... и Страбоном» (с. 100, прим. 16). Батюшки, неужели мы действительно так

<sup>22</sup> Суриков 2011, 36 слл.

<sup>23</sup> Одно из довольно редких исключений: Balcer 1987, 25.

<sup>24</sup> Наиболее детальную характеристику этих новых фрагментов см. в коллективной монографии: The New Simonides 2001.

<sup>25</sup> Хотя фрагменты из поэмы Симонида о Платеях появились уже и в русском переводе (в антологии: Эллинические поэты 1999, 282–284). Что интересно, В.М. Строгнецкому эта антология знакома, в другой связи он на нее ссылается.

<sup>26</sup> Суриков 2008; 2011, 161–178.

<sup>27</sup> У В.М. Строгнецкого ошибочно – *λογογράφοι* (с. 98).

опростоволосились!? Однако каждый может легко проверить соответствующие пассажи и убедиться, что в них ни Дионисий, ни Страбон не только не дают никаких толкований термина «логографы», но и вообще не употребляют этого термина! Так что напрасно уважаемый оппонент упрекает нас в неучете того, чего нет.

Насколько можно судить, дискуссия вращается в мире расхожих историографических мифов, рождающихся часто от того, что ученые не всегда берут на себя труд заглянуть непосредственно в источники (да еще и в оригинале), а порой предпочитают просто опираться на мнения предшественников. Так, тот самый известный пассаж Дионисия Галикарнасского (De Thuc. 5), который действительно является ключевым, наиболее информативным свидетельством о первых представителях эллинского историописания, сплошь и рядом называют экскурсом о логографах. Вот и В.М. Строецкий пишет: «Дионисий делил логографов на старших и младших» (с. 100).

Да, так принято считать<sup>28</sup>, но это всего лишь некая конвенция, а на самом деле у Дионисия мы не встретим ничего подобного – ни «старших логографов», ни «младших логографов», ни вообще каких бы то ни было логографов. Дионисий пишет о «древних историках» (ἀρχαῖοι... συγγραφεῖς) и о том, что одни из них жили «до Пелопоннесской войны» (исходя из контекста – задолго), а другие – лишь «незадолго до Пелопоннесской войны и дожили до времен Фукидида».

Не удалось В.М. Строецкому доказать также и то, что Фукидид (I. 21. 1), упоминая неких λογογράφοι, имеет в виду именно тех самых «до-геродотовских историков (это очевидным образом не соответствует действительности, как мы показали в работах, ссылку на которые см. чуть выше, в прим. 25). Да и в целом, как нам показалось, он спорит с нами просто в силу некоторого недопонимания нашей позиции<sup>29</sup>.

Следует сказать, что в главе, которая сейчас рассматривается, сами «логографы» как таковые охарактеризованы довольно кратко. Чуть ли не больше места в главе занимают рассуждения об общей ситуации в греческом мире архаической эпохи – рассуждения, которые заставляют порой вспомнить об «эре мастодонтов». Например: «...с середины VII в. (sic!! – И.С.) чеканка монет стала распространяться и в Балканской Греции: на Эгине, Эвбее, в Коринфе и в Афинах» (с. 92, прим. 2). Далее, по обыкновению, следует выпад против автора этих строк. Но давать подобные датировки в 2010 году просто несерьезно. На сегодняшний день совершенно ясно, что чеканная монета начала выпускаться на Эгине около середины VI в. до н.э., в Афинах и Коринфе – еще позже<sup>30</sup>. И дело тут не в «злокозненности Сурикова», а в однозначно доказанных фактах, отрицание которых опускает науку на уже пройденный ею этап. Равным образом (и с не более весомыми основаниями) заявляется, что такие феномены, как раннегреческое законодательство и Старшая тирания, выросли из конфликта между демосом и знатью<sup>31</sup>. Такого рода концепции – «дела давно минувших дней, преданья старины глубокой», а у нас, как видим, они до сих пор продолжают тиражироваться (не всеми, конечно). Что же, мы ради собственной «самобытности» так и хотим существовать в качестве некоей экзотически-отсталой национальной историографии? Интересно, ведь, наверное, и лет через сто у нас в России

<sup>28</sup> См. хотя бы: Фролов 1981, 95–96. Отметим и в целом, что характеристика В.М. Строецким так называемых «логографов» в очень сильной степени основывается на суждениях об этих историках, высказанных Э.Д. Фроловым. Свой огромный долг перед последним признает и сам автор рецензируемой книги (с. 12).

<sup>29</sup> См. хотя бы такую фразу (с. 100, прим. 16): «...в своей недавней книге, посвященной Геродоту, И.Е. Суриков, хотя и не считает термин “логографы” вполне удовлетворительным, тем не менее, признает их первыми греческими историками, предшественниками Геродота». Структуру фразы оставим без комментариев. Но дело-то не в этом, а в том, что мы просто писали: да, термин «логографы» (в значении «первые историки») некорректен, но, поскольку он уж очень прижился в научной литературе, поневоле приходится им пользоваться, за неимением лучшего. Ср. также аналогичные высказывания, направленные против наших суждений о так называемых «логографах», и в других местах рецензируемой книги (с. 157 слл.): они демонстрируют то же недопонимание того, что мы на самом деле пишем. Мы якобы считаем, что Фукидид относил Геродота к числу логографов (с. 160). Но на деле-то мы, повторим, вообще против применения этого термина – «логограф» – к кому бы то ни было из ранних греческих историков.

<sup>30</sup> См. хотя бы: Kroll, Waggoner 1984.

<sup>31</sup> Применительно к раннему законодательству неплохо было бы для начала привести хоть какие-то доводы в пользу презумпции, лежащей в основе того тезиса, согласно которому письменные законы вводились в интересах демоса. Презумпция эта (заметим, никогда эксплицитно не высказываемая, поскольку она абсурдна) заключается в том, что в «эпоху законодателей», в VII–VI вв. до н.э., народные массы были грамотны и могли читать законы.

кто-нибудь будет, вопреки всякой очевидности, твердить, что Афины начали чеканку в VII в. до н.э., и высказывать прочие подобные вещи?<sup>32</sup>

Последние три главы, как уже и отмечалось, посвящены непосредственно Геродоту, чье имя фигурирует в заголовке рецензируемой книги. Глава V (с. 109–156) носит название «Геродот – отец истории». Собственно говоря, во всей книге только в этой главе автор уделяет внимание Геродоту как таковому. Она представляет собой общий очерк о Геродоте и его труде, примечательный более всего такими пассажами, как: «Дядя Геродота... тоже был эллинизирован и носил греческое имя Паниасид» (с. 111)<sup>33</sup>; «медийский (?!?! – И.С.) царь Крез первым из варваров, покорив часть эллинов, заставил их платить ему дань» (с. 117)<sup>34</sup>; «Геродот сообщает о взаимоотношениях афинского тирана Писистрата и Мильтиада, сына Кимона, который, будучи тираном Херсонеса Фракийского, вернулся в Афины, едва избежав захвата в плен финикийцами» (с. 119, прим. 22)<sup>35</sup>; в распоряжении Геродота была-де «литература... аттидографов», а также «семейные архивы известных аристократических фамилий» (с. 121)<sup>36</sup>; «Гелланик был моложе Геродота» (с. 122)<sup>37</sup>; «Характеризуя знаменитый лабиринт и Меридово озеро, на берегу которого он стоял, Геродот показывает, чего могли добиться самосские цари после освобождения Египта от эфиопов» (с. 127)<sup>38</sup>; «Однако будучи сторонником демократии – это не значит, что он был ее бессловесным адептом» (с. 153), и т.д., и т.п. Пожалуй, пора прекратить цитирование, хотя его еще долго можно было бы продолжать.

К сожалению, подобные курьезы – а они особенно изобилуют именно в данной главе (хотя встречаются и в других) – в первую очередь останавливают на себе внимание читателя, приводят в несколько юмористическое настроение и тем самым мешают сконцентрироваться на позитивных суждениях автора<sup>39</sup>. А таковые, бесспорно, имеются. В частности, В.М. Строецкий вполне оправданно придерживается той точки зрения, что Геродот с самого начала задумал свое сочинение как единый, целостный труд о Греко-персидских войнах, а не как разрозненные логосы, согласно некогда авторитетной концепции Ф. Якоби (с. 114–115). Что касается историковедческой базы «отца истории», ученый пишет, что, «безусловно, основным источником Геродота была устная традиция» (с. 126). Это на сегодняшний день можно считать безоговорочно доказанным; даже подсчитано, что ссылок на письменные тексты у галикарнасца в пять раз меньше, чем ссылок на лиц, информировавших его изустно<sup>40</sup>.

<sup>32</sup> Занятно, что сам В.М. Строецкий в неоднократно допускаемых им пассажах эмоционального характера рекомендует себя как утрированного «европеиста» и в связи с этим весьма негативно высказывается о чертах российского национального характера. «У нас в стране... психология толпы стала менталитетом большей части общества» (с. 49). К чему бы подобные суждения в книге об античности! «Мышление российских людей в основе своей характеризуется чувством зависти...» (с. 37, прим. 10). Наверное, все-таки не нужно по себе судить о других. «Российская историческая наука становится в полном смысле частью современной европейской науки» (с. 13). Да, оно бы неплохо. Но если мы хотим, чтобы это воплотилось в жизнь, каждый из нас должен этому реально содействовать, прежде всего качеством своей работы.

<sup>33</sup> В действительности имя Паниасид, – разумеется, не греческое, а карийское. Относительно же этого дяди Геродота следует сказать, что он был не просто «эллинизирован», а являлся одним из крупнейших греческих эпических поэтов. К проблематике, связанной с родственными отношениями Геродота и Паниасида, см. хотя бы: Суриков 2011, 254–255, 429–442.

<sup>34</sup> В другом месте (с. 121) историк Ксанф Лидийский аналогично назван «Ксанфом медийским». Еще в одном месте (с. 133) появляется «медийский царь Кандавл» (на этот раз хотя бы не «медийский»). Интересно, если на экзамене у В.М. Строецкого кто-нибудь из отвечающих путает Лидию и Мидию (а это ведь весьма типичная студенческая ошибка), профессор, полагаем, делает по этому поводу строгое замечание? Получается, *quod licet Iovi, non licet bovi*...

<sup>35</sup> Таким образом, в этой фразе безнадёжно смешаны Мильтиад Старший и Мильтиад Младший.

<sup>36</sup> В отношении аттидографов напомним, что первая «Аттида», принадлежащая Гелланику, была написана в любом случае после смерти Геродота, как бы ни датировать последнюю. А что понимает В.М. Строецкий под «семейными архивами» в V в. до н.э. – нам даже трудно предположить.

<sup>37</sup> В действительности же «в начале Пелопоннесской войны Гелланику было от роду шестьдесят пять лет, Геродоту – пятьдесят три» (*Gell. XV. 23*). Умер Гелланик действительно позже Геродота, что, очевидно, и породило данную аберрацию у В.М. Строецкого.

<sup>38</sup> Разумеется, под «самосскими» царями следует понимать саисских. Но, похоже, В.М. Строецкий вслед за Геродотом считает египетский «Лабиринт» постройкой саисской эпохи?

<sup>39</sup> В том же направлении работает и несколько неясный стиль изложения (проявляющийся не во всех главах, но в этой – в полной мере).

<sup>40</sup> Balcer 1987, 26.

Относительно мировоззрения рассматриваемого греческого историка В.М. Строецкий также совершенно справедливо высказывается, что «Геродот твердо верил в непрестанное вмешательство божества в человеческие дела, являясь представителем теории провиденциализма» (с. 138). Здесь всё верно, разве что слово «теория» мы бы, пожалуй, заменили на какое-нибудь другое, оно тут звучит некоторым анахронизмом. В то же время наличие элементов рационализма и даже релятивизма во взглядах Геродота В.М. Строецкий также подчеркивает – и опять правильно. Взвешенно подойти пытается он к оценке политических пристрастий «отца истории»; вот только, может быть, несколько преувеличивается его однозначно-отрицательное отношение к тирании. В конце главы автор присоединяется к нашему мнению<sup>41</sup> о том, что в Афинах Геродот был ближе к Филаидам, чем к Алкмеонидам.

Две завершающие главы – VII «Геродот в оценке классической и эллинистическо-римской историографии» (с. 157–180) и VIII «Геродот и его “История” в оценке новой и новейшей историографии» (с. 181–245) – представляют собой в целом достаточно информативные сводки материала по соответствующим сюжетам<sup>42</sup>. Впрочем, и тут выскажем ряд претензий. Ошибочно мнение, что «ни Геродота, ни Фукидида Полибий не упоминает» (с. 174). На самом деле упоминает; пусть лишь по одному разу в сохранившейся части труда (соответственно, Polyb. XII. 2. 1 и Polyb. VIII. 13. 3), но не будем забывать и о том, что от самой Полибиевой «Истории» больше не дошло, чем дошло.

При чтении же главы, посвященной современной историографии о Геродоте, подчас создается впечатление, что литература рассмотрена по принципу «с чем удалось ознакомиться, то и проанализируем», – другими словами, по несколько случайному принципу. Иначе зачем бы, например, в книге об «отце истории» достаточно подробно говорить (с. 232–236) о скандально известной «Черной Афине» М. Бернала, хотя главным предметом этого исследования является отнюдь не творчество Геродота? На добром десятке страниц (с. 223–232) разбирается не очень большая статья С. Форсдайк «Афинская демократическая идеология и “История” Геродота».

А в то же время в обзоре не фигурируют многие действительно важные работы, остановиться на которых обязательно следовало бы. Так, ничего не сказано о провокационной монографии Д. Фелинга<sup>43</sup>, возродившей тему «Геродота-лжеца», и о вызванной ею дискуссии<sup>44</sup>. Хорошо, что хотя бы «Зеркало Геродота» Ф. Артога оказалось в поле зрения В.М. Строецкого. В целом же вновь приходится говорить о том, что изложение не вполне релевантно предмету. Ясно, что литература о Геродоте колоссальна, и в последние десятилетия она нарастает особенно бурными темпами, как уже и говорилось в начале рецензии. В подобной ситуации ни один ученый не может рассчитывать на то, что он просто физически окажется в состоянии прочесть всё, что пишется об «отце истории». Поневоле приходится прибегать к выборочному подходу. Но в рамках последнего в первую очередь нужно обращать внимание на ключевые, этапные исследования, задающие некие тенденции.

В последней главе В.М. Строецкий касается – в основном в полемическом ключе – и недавней книги о Геродоте, принадлежащей автору этих строк<sup>45</sup>. В краткой рецензии нам не хотелось бы вступать в спор. Сделаем только одно замечание. Конструктивная дискуссия возможна только при том условии, что оппоненты корректно воспринимают и воспроизводят тезисы и аргументы друг друга. А В.М. Строецкий, к сожалению, в ряде случаев приписывает нам мысли, которых мы вообще не высказывали<sup>46</sup>, а других случаях наша точка зрения передается им не совсем верно. Полагаем все-таки, что следует вести речь не о сознательном искажении чужой позиции (что было бы совсем уж нехорошо), а вероятно, просто о не очень внимательном прочтении нашей работы.

Вот характерный пример (с. 207–208): «...я не могу согласиться с утверждением И.Е. Сурикова, что Геродот следует назвать консервативным религиозным мыслителем. В этом случае пришлось бы Фукидида назвать прогрессивным мыслителем, так как боги в его картине мира практически

<sup>41</sup> На момент выхода книги В.М. Строецкого наше мнение по этому предмету было знакомо ему только по краткому очерку: Суриков 2009, 164–177. С тех пор мы писали о связях Геродота с Филаидами значительно подробнее: Суриков 2011, 362–395.

<sup>42</sup> Мы в своей книге, посвященной Геродоту, писали об этих сюжетах куда менее подробно (Суриков 2009, 371–395).

<sup>43</sup> Fehling 1989. Сама книга Фелинга В.М. Строецкому знакома, он ссылается на нее, но в другом месте своей работы и по иному поводу.

<sup>44</sup> Ее достаточно подробное изложение см. Pritchett 1993.

<sup>45</sup> Суриков 2009.

<sup>46</sup> Например, на с. 206 есть довольно большой абзац, будто бы излагающий наши взгляды на становление Геродота как историка на Самосе. Но на самом деле это продукт собственного творчества В.М. Строецкого. В частности, он изобилует греческими терминами на языке оригинала, а мы такими в книге «Геродот» в принципе не пользовались, поскольку она написана в популярном жанре.

отсутствуют, и тогда следовало бы считать мировоззрение Геродота менее развитым, чем Фукидида. Такой подход едва ли можно назвать правильным. Ведь нельзя же утверждать, что мировоззрение академиков Вернадского и Гинзбурга было более прогрессивным, чем Т. де Шардена<sup>47</sup> и А. Швейцера только потому, что первые были атеистами, а вторые были людьми верующими».

Совершенно напрасно нашей характеристике Геродота как «консервативного религиозного мыслителя» здесь приписывается какой-то оценочный оттенок. Мы просто констатировали факт: ведь невозможно же спорить с тем, что историософия Геродота была теоцентричной и провиденциалистской, а историософия Фукидида – антропоцентричной и рационалистической. Всё это не имеет ровно никакого отношения к тому, что кто-то из них «прогрессивнее», «лучше» и т.п. По В.М. Строецкому получается, будто бы мы в данном отношении ставим Фукидида выше, чем Геродота. На самом же деле если бы мы уж задались целью давать оценки, то расставили бы знаки «позитива» и «негатива» противоположным образом. Для нас историософия, озаренная светом какой-либо религиозной или иной высокой идеи, предпочтительнее историософии чисто материалистической, признающей единственными двигателями исторического процесса желудок и кошельки.

В любом случае мы вынуждены констатировать: невозможно (да и бессмысленно) опровергать критику, исходящую из ошибочной интерпретации взглядов оппонента.

В заключение не можем не отметить чрезвычайную небрежность, характеризующую рецензируемое издание. Сказать, что в книге много опечаток, означало бы ничего не сказать. Их количество превосходит всякую мыслимую и немыслимую меру (как мы видели, они имеются даже в выходных данных). Причем зачастую это крайне досадные, дезориентирующие читателя неточности в написании имен собственных и терминов, в древнегреческих цитатах, в ссылках на источники и литературу. Мы даже не будем приводить конкретных примеров во избежание чрезмерного разрастания рецензии. И вовсе не потому, что призываем верить нам на слово: каждый желающий может открыть работу В.М. Строецкого и убедиться в правоте наших слов. Встречаются и стилистические «ляпы», и фактические ошибки (ряд таких случаев мы разьяснили выше). При этом в книге нет никаких упоминаний редакторов, корректоров, верстальщиков и т.п., даже не указано издательство как таковое (только типография). Стало быть, перед нами фактически «издание автора» – книгу готовил к печати от начала и до конца единственно он сам; на нем, следовательно, и лежит ответственность за столь болезненные огрехи.

Какое суждение максимально общего характера можно сделать о рассмотренной книге? Нам никак не хотелось бы выступать в роли некоего судьи, выносящего вердикты (тем более что мы издавна относимся к В.М. Строецкому, нашему старшему коллеге, с большим уважением и почтением). Пожалуй, необходимо лишь сказать: трудно стать новым словом в науке книге, в которой сами слова «новый», «новейший» (применительно к тенденциям, концепциям, идеям) подчас употребляются в априорно негативном, уничижительном смысле. Впрочем, здесь не вина, а беда, и не лично В.М. Строецкого, а той антиковедческой школы, к которой он принадлежит.

## Литература

- Аверинцев С.С.* 1996: Риторика и истоки европейской литературной традиции. М.
- Артог Ф.* 1999: Первые историки Греции: историчность и история // ВДИ. 1, 177–187.
- Вейнберг И.П.* 1993: Рождение истории. Историческая мысль на Ближнем Востоке середины I тысячелетия до н.э. М.
- Махлаюк А.В.* 2010: Владимир Михайлович Строецкий – ученый и педагог // ИИАО. 13, 8–13.
- Махлаюк А.В., Суриков И.Е.* 2008: Античная историческая мысль и историография. Практикум-хрестоматия. М.
- Надь Г.* 2002: Греческая мифология и поэтика. М.
- Строецкий В.М.* 1977: Геродот и Алкмеониды // ВДИ. 3, 145–154.
- Строецкий В.М.* 1983: Диодор Сицилийский и его «Историческая библиотека» в оценке историографии // ВДИ. 4, 176–186.
- Строецкий В.М.* 1985: Возникновение и развитие исторической мысли в Древней Греции (на материале изучения «Исторической библиотеки» Диодора Сицилийского). Горький.
- Строецкий В.М.* 1986: Введение к «Исторической библиотеке» Диодора Сицилийского и его историко-философское содержание // ВДИ. 2, 65–87.

<sup>47</sup> «Т. де Шарден» – неверно. Нужно – П. Тейяр де Шарден. Кстати, встречаются у В.М. Строецкого и «Ф. де Куланж» (с. 185), и «Леви Брюль», где «Леви» понимается как имя (с. 58).

Строгецкий В.М. 1987: Греческая историческая мысль классического и эллинистического периодов об этапах развития афинской демократии. Горький.

Строгецкий В.М. 2002: Влияние риторики на древнегреческую классическую и эллинистическую историографию // Μυῦσα. Сборник научных трудов, посвященный памяти проф. В.Д. Жигунина / О.Л. Габелко (ред.). Казань, 413–419.

Строгецкий В.М. 2006: Проблемы становления истории как науки в античности // Античный мир и археология. 12, 351–362.

Строгецкий В.М. 2008: Эпическая поэзия и раннегреческое историописание // История: мир прошлого в современном освещении. Сборник научных статей к 75-летию со дня рождения проф. Э.Д. Фролова / А.Ю. Дворниченко (ред.). СПб., 58–66.

Строгецкий В.М. 2009: Дионисий Галикарнасский как литературный критик и историк // ИИАО. 12, 130–138.

Суриков И.Е. 2008: ΛΟΓΟΓΡΑΦΟΙ в труде Фукидида (I. 21. 1) и Геродот (Об одном малоизученном источнике раннегреческого историописания) // ВДИ. 2, 25–37.

Суриков И.Е. 2009: Геродот. М.

Суриков И.Е. 2010: Греческий полис архаической и классической эпох // Античный полис. Курс лекций / В.В. Дементьева, И.Е. Суриков (ред.). М., 8–54.

Суриков И.Е. 2011: Очерки об историописании в классической Греции. М.

Фролов Э.Д. 1981: Факел Прометея. Очерки античной общественной мысли. Л.

Фролов Э.Д. 1988: Рождение греческого полиса. Л.

Эллинские поэты 1999: Эллинские поэты VII–III вв. до н.э. Эпос. Элегия. Ямбы. Мелика / М.Л. Гаспаров (ред.). М.

Balcer J.M. 1987: Herodotus and Bisitun. Stuttgart.

Fehling D. 1989: Herodotus and his 'Sources': Citation, Invention and Narrative Art. Leeds.

Hart J. 1982: Herodotus and Greek History. L.

Kroll J.H., Waggoner N.M. 1984: Dating the Earliest Coins of Athens, Corinth and Aegina // American Journal of Archaeology. 88, 3, 325–340.

Maffi A. 1982: Τὰ ἱερὰ καὶ τὰ ὅσια. Contributo allo studio della terminologia giuridico-sacrale greca // Symposium 1977. Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte / J. Modrzejewski, D. Liebs (Hrsg.). Köln, 33–53.

The New Simonides 2001: The New Simonides: Contexts of Praise and Desire / D. Boedeker, D. Sider (eds.). Oxf.

Pritchett W.K. 1993: The Liar School of Herodotus. Amsterdam.

Sourvinou-Inwood Chr. 1991: What is Polis Religion? // The Greek City: From Homer to Alexander / O. Murray, S. Price (eds.). Oxf., 295–322.

Vernant J.-P. 1983: Myth and Thought among the Greeks. L.

И.Е. Суриков,  
доктор исторических наук, ведущий научный  
сотрудник Института всеобщей истории РАН

© 2012 г.

## НОВЫЙ ЖУРНАЛ ПО ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

(Anabasis. Studia Classica et Orientalia. Studies in Memory of J. Wolski. Ed. by M. Olbrycht. Vol. 1. Rzeszow, 2010)

В 2010 (практически в 2011) г. был опубликован первый номер нового журнала, посвященного проблемам древней истории, – «Anabasis. Studia Classica et Orientalia». Издается журнал Университетом польского города Жешув (Rzeszow). В информации для будущих авторов, помещенной в конце тома, указывается, что данное издание планируется сделать междисциплинарным, в котором в равной степени будут представлены история, археология, история искусств, нумизматика, литература, филология и история религии. Регионы, охватываемые новым журналом, – Восточное Средиземноморье, Черноморский бассейн, Кавказ, Анатолия, Месопотамия, Иран, Афганистан и Центральная